

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ТРУДЫ П. И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО

Д. Г. ЛАВРОВ, Ф. А. ПЕСИКИН

П. И. Мельников-Печерский был видным писателем и деятельным историком-краеведом, основателем нижегородского краеведения. Наиболее плодотворно он трудился в области истории, будучи старшим учителем истории и статистики Нижегородской гимназии (1839—1846 гг.) и редактором неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей» (1845—1850 гг.). Активно работал П. И. Мельников и в качестве члена археографической комиссии и секретаря губернского статистического комитета.

Из множества статей и заметок по истории края, опубликованных в губернских «Ведомостях» в период его редакторства, следует отметить такие статьи, как «Иван Петрович Кулибин» (1845 г.), «События, случившиеся в Н. Новгороде от 1462 до 1600 г.» (1846), «История Н. Новгорода до 1350 года» (1847 г.), «Нижегородское великое княжество» (1847 г.), «Духов монастырь и церковь святого Духа в доме нижегородского военного губернатора» (1848 г.), «Княгинин» (1849 г.), «Балахна» (1849—1850 гг.).

Историко-краеведческие труды Мельникова имеют несколько основных тем: 1) история Н. Новгорода и Нижегородского великого княжества; 2) Нижний Новгород и нижегородцы в начале XVII в. и их роль в освобождении России от польско-шляхетской интервенции; 3) история Нижегородской ярмарки и анализ ее состояния и перспектив в XIX в.; 4) история отдельных городов, населенных пунктов и групп населения, монастырей и церквей, характеристика различных фактов местной жизни, отдельных лиц; 5) исследование церковного раскола в России.

Занимаясь историей Нижегородского великого княжества, Мельников ограничивался поверхностным описанием и не понял значения государственной централизации Руси в период татарского ига¹. Он с симпатией рисует образ нижегородского великого князя Андрея Константиновича, в период княжения которого (1355—1364 гг.) Н. Новгород становится одним из центров оппозиции удельных князей по отношению к Москве. Характерно, что в статье «Исторические известия о Нижнем Новгороде» Мельников не решается защищать удельную раздробленность и пишет в конце концов о том, что самостоятельность Нижегородского княжества исчезла «...ко благу Руси, благу, которое состояло в соединении частей ее под власть единодержавную»².

С особым интересом относился Мельников к истории так называемого «смутного времени» в России в начале XVII в. В таких статьях как «Исторические заметки», «Нижний Новгород и нижегородцы в „смутное время“», «Состояние России, и в особенности Нижнего Новгорода в 1606 году», «Несколько новых сведений о смутном времени, о Козьме Минине, князе Пожарском и патриархе Ермогене» и других Мельников уделяет много внимания периоду нижегородской истории, когда ее события приобретают общенародное значение.

На основе местных хронографов им была написана статья «Несколько новых сведений о смутном времени, о Козьме Минине, князе Пожарском и патриархе Ермогене»,

¹ «Нижегородские губернские ведомости», 1847, № 5, часть неофициальная, статья «Нижегородское великое княжество».

² «Полное собрание сочинений П. И. Мельникова», т. 12, изд. т-ва М. О. Вольф, СПб.—М., 1898, стр. 383.

помещенная в журнале «Москвитянин» за 1850 г. В этой статье, как и в других, начало XVII в. показано не только как время общенациональной войны против польских шляхтичей, но и как период борьбы крестьянства против помещиков, бояр и «плохого» царя. При этом классово-ограниченные взгляды автора на народное движение не позволили ему характеризовать восстание Болотникова как крестьянскую войну, лишали его возможности разобрататься в сложных процессах той эпохи.

Указанная статья интересна тем, что в ней П. И. Мельников, добросовестно перелавывая источник, показывает вынужденный характер присоединения некоторой части дворян к общенародной борьбе против польских интервентов. Дворяне ряда местностей лишились своих поместий в результате польского нашествия и крестьянских восстаний. Московские бояре, перешедшие на сторону поляков после неудачной попытки закрепить на русском престоле своего ставленника Василия Шуйского, послали, по мнению Мельникова, дворян западных областей в Нижегородскую губернию с целью их испомещения. Так, например, смоленские дворяне были посланы в Арзамас, дорогобужане и вязьмичи — в Вязники. Из этого видно, что измена московских бояр национальным интересам вела к расширению сферы крепостного права. Однако дворянам, посланным в Арзамас, пришлось выдерживать серьезный бой с крестьянами, к которым присоединились арзамасские стрельцы. Смоленские дворяне вынуждены были уйти в Нижний, где их приветливо встречали Минин и посадские люди. Такова же была участь вязьмичей и дорогобужан. Все они присоединились к ополчению Минина и Пожарского.

Остановимся на работах П. И. Мельникова, посвященных Нижегородской ярмарке. К числу их относятся: «Нижегородская ярмарка в 1843, 1844 и 1845 годах», «Историческое обозрение Нижегородской ярмарки», «Исторический очерк Нижегородской ярмарки» и «Очерк Нижегородской ярмарки»³.

Обстоятельный анализ торговли на ярмарке, переведенной в 1817 г. в Н. Новгород, дан в работе «Нижегородская ярмарка в 1843, 1844 и 1845 годах». К этому времени, по словам автора, «ярмарка Нижегородская сделалась в некоторой степени мерилом успехов нашей промышленности и рычагом, поддерживающим сложную машину торговли стечественными фабрикатами»⁴. Автор прослеживает в этой работе торговлю русскими сырыми материалами и фабрикатами, европейскими и азиатскими товарами, подчеркивает «чрезвычайные успехи» производства хлопчатобумажных тканей в России за последние годы, возрастание удельного веса русских товаров на ярмарке и объема торговли. В 1843 г. на ярмарку было привезено товаров на сумму 45 415 тыс. руб., а в 1845 г. уже на сумму 55 211 тыс. руб.⁵

В этой работе Мельников отстаивает необходимость существования Нижегородской ярмарки, учитывая в то же время, что другие ярмарки в будущем будут ликвидированы в связи с развитием путей сообщения, промышленности и торговли подобно многим ярмаркам в странах Западной Европы. «Все другие ярмарки русские,— пишет по этому поводу Мельников,— конечно, должны будут испытать эту участь; но ярмарке Нижегородской предстоит судьба блестящая»⁶.

Ряд идей этой работы развивается далее в «Очерке Нижегородской ярмарки» (1858 г.), в котором содержится главным образом статистико-экономическое описание ярмарки накануне отмены крепостного права в стране. Из «Очерка» ясно видно, что Нижегородская ярмарка была крупнейшей из 4670 ярмарок, существовавших в России в середине XIX в. Торговый оборот всех ярмарок достигал, по данным Министерства внутренних дел, сообщаемым Мельниковым, приблизительно 160 млн. руб., из них на долю Нижегородской в 1857 г. приходилось свыше половины — 86 млн. руб.

Какие товарные массы были характерны для ярмарки в 50-х годах XIX в.? Это прежде всего хлопчатобумажные, шерстяные, шелковые ткани русские и иностранные. Они составляли примерно $\frac{1}{4}$ всей стоимости товаров, привезенных на ярмарку в 1857 г. Около половины всей стоимости тканей падало на долю хлопчатобумажных. Мельников отмечает, что ивановские ситцы побивают своей дешевизной домотканые

³ Очерк был издан в 1858 г. в ограниченном числе экземпляров по повелению императрицы, совершавшей путешествие по Волге.

⁴ П. И. Мельников. Нижегородская ярмарка в 1843, 1844 и 1845 годах, Н. Новгород, 1846, стр. 1.

⁵ Там же, стр. 278.

⁶ Там же, стр. 281.

холсты и полотна. По этому поводу он писал: «По замечанию западных экономистов, распространение в простонародье бумажных тканей есть верный признак упрочения мануфактурной промышленности, так как все хлопчатобумажное производство, начиная от пряжи до набивки ситцев, требует машин, капиталов, большой предприимчивости и, следовательно, обнаруживается в народе высшее экономическое развитие»⁷.

Из 86 млн. руб. стоимости привезенных в 1857 г. товаров 61 млн. руб. приходился на долю русских товаров. «Сравнение этих цифр,— писал Мельников,— показывает, что предметы внутреннего производства составляют три четверти общей ценности товаров, и что ни европейская, ни азиатская торговля далеко не занимают на Нижегородской ярмарке первого места, как многие привыкли думать»⁸.

В работе «Очерк Нижегородской ярмарки» автор выступает как сторонник капиталистического развития страны на основе свободной конкуренции. Указав на неизбежность коренных изменений в характере торговли, он писал: «Но самая важная экономическая, а следовательно и коммерческая реформа ожидает Россию с перменою быта сельского населения. При постепенном уничтожении обязательного труда и замене его трудом наемным, станут разливаться в народе деньги, а вместе с тем явятся несколько миллионов новых потребителей, которые неимоверно расширят пределы нынешнего торгового движения»⁹.

Отчет Министерства внутренних дел за 1855 г., составленный П. И. Мельниковым, сыграл известную роль в выяснении действительного положения в губерниях в начале царствования Александра II, а тем самым и в подготовке крестьянской реформы 1861 г. Мельников понимал необходимость отмены крепостного права. В его дневнике от 22 марта 1858 г. записано по поводу подготовки реформы: «Таких дел откладывать нельзя, а то, чего доброго, и за топоры прамутся»¹⁰.

Разложение феодальных и развитие капиталистических отношений Мельников показывает в ряде работ, посвященных Нижегородскому краю. В 1851 г. в журнале «Москвитянин» он помещает статью «Павловская промышленность», где описывает промышленные села Павловского округа, приводит данные о числе их жителей, верстаков и т. д.¹¹ Интересен также его очерк «Лысково» — об истории этого села и борьбе его жителей с Макарьевским монастырем, владевшим ярмаркой¹².

На основе различных местных источников П. И. Мельников совместно с иеромонахом Макарием выступает как автор обширного очерка истории Балахны — одного из известных пунктов солеварения на Руси. В очерке Мельникова и Макария приведены данные, характеризующие состояние солеварения в Балахне на протяжении XVII в., которые используются и современными исследователями¹³.

Значительной исторической работой Мельникова является очерк истории Духова монастыря, основанного в конце XVI в. возле Борисоглебской башни Нижегородского кремля. На примере этого монастыря автором ярко показана роль монастырей в феодальную эпоху, как крупных земельных собственников, и борьба с ними растущего посадского населения городов Московской Руси.

Крупнейшим этнографическим трудом П. И. Мельникова являются «Очерки мордвы». Главное внимание здесь сосредоточено на религии и обрядах мордовского народа. Автор подчеркивает длительность общения русского и мордовского народов, но сводит его главным образом к религиозным связям. Одностороннее и религиозно-идеалистическое освещение истории и быта мордовского народа являются слабой стороной этих очерков. Вместе с тем в них мы находим раскрытие определенного содержания жизни народа. Детальное описание религиозных обрядов и остатков старого родоплеменного уклада жизни, данное зорким наблюдателем-этнографом, приобретает известное значение для истории мордовского народа и его взаимоотношений с другими народами, прежде всего с русским народом. Так, например, Мельников выясняет наличие многобожия и большой

⁷ «Очерк Нижегородской ярмарки», стр. 45.

⁸ Там же, стр. 57.

⁹ Там же, стр. 69—70.

¹⁰ ПСС П. И. Мельникова, т. 1, стр. 183.

¹¹ «Москвитянин», 1851, № 14.

¹² «Нижегородские губернские ведомости», 1861, № 52; 1862, № 1—3.

¹³ С. И. Архангельский. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII—XIX вв., Горьковск. обл. гос. изд., 1950, стр. 30.

голи женских божеств в религии мордвы, отсутствие постоянных жрецов и роль общественных молений. Правда, он не делает из всего этого должных выводов о сближении на той ступени развития общественного строя мордовского народа с русским. Взаимное общение двух народов много дало им прежде всего не в области религии, но сама мысль о взаимосвязи двух народов должна быть расценена положительно¹⁴.

Общероссийское значение приобретают исследования Мельникова по церковному расколу. Глубокое изучение жизни и быта раскольников, а также истории церковного раскола в России помогло Мельникову всесторонне осветить это сложное явление русской действительности, охарактеризовать его черты не только как религиозного направления, но и как широкого социального течения, охватившего значительную часть народа. Раскрытие материальной подоплеки раскола в XIX в., разоблачение в связи с этим пропаганды православного духовенства и общественной роли религии принадлежат к наиболее сильным сторонам деятельности Мельникова как исследователя церковного раскола. Значительно слабее объясняет он причины возникновения и распространения раскола.

В «Очерках поповщины», написанных в 60-х годах, автор подробно прослеживает историю раскола от его возникновения в XVII в. до первой трети XIX в. Распространение раскольничества, увеличение числа раскольников и возникновение Белокриницкой старообрядческой митрополии во второй четверти XIX в. вынудило царское правительство принять меры для выяснения числа раскольников, характера раскольнического движения и его политической направленности. Правительство решило выяснить причины усиления раскола, не доверяя более официальным цифрам, исходившим от местной администрации и духовенства, заинтересованных в получении доходов с определенного количества раскольников, не попадавшего в их официальное число. С этой целью в 50-х годах XIX в. были организованы статистические экспедиции в Нижегородскую, Ярославскую и Костромскую губернии. Во главе такой экспедиции в Нижегородскую губернию стоял П. И. Мельников. Результаты экспедиций показали, что официальное число раскольников было занижено по трем губерниям в 11 раз. В связи с этим стали насчитывать в России того времени около 10 млн. раскольников¹⁵. Экспедиции имели и другие секретные цели, в частности выяснение размеров оброка и барщины¹⁶.

На основе работы статистической экспедиции появился в 1854 г. составленный П. И. Мельниковым «Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии» — яркий документ для изучения раскола в XIX в., проливший свет на многие стороны этого малоисследованного явления. Согласно отчету, в губернии в 1853 г. насчитывалось свыше 170 тыс. раскольников из 1164 тыс. жителей, т. е. раскольники и сектанты составляли около 15% населения. Местная администрация и духовенство насчитывали, однако, лишь от 20 до 35 тыс. сектантов¹⁷. Нижегородская губерния — родина и патриарха Никона, и протопопа Аввакума — была в сильнейшей степени охвачена раскольничеством вскоре после его возникновения. В середине XIX в. наибольшее распространение раскол получил в северо-западной части губернии¹⁸.

«Отчет» иллюстрирует также процесс развития капитализма в Нижегородском крае, растущую роль скупщика-предпринимателя: «Замечательно то, — говорится в „Отчете“, — что нижегородские раскольники завладели не городской торговлею, но торговлею предметами местной промысловой производительности, отчего держат, так сказать, в своих руках около одной десятой местного народонаселения. Зависимость крестьян от торговых раскольников двоякая: они или нанимаются у них в работники, или продают им свои произведения»¹⁹. В Павлове — центре слесарно-ножевой промышленности губернии отмечается засилье скупщиков-монополистов, наличие полосов бедности и богатства, резко выраженная пролетаризация населения²⁰.

В «Отчете о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии» Мельников рассматривает раскольничество как явление политически враждебное государству и призывает к решительной борьбе с расколом. С конца 50-х годов Мельников, однако, по-ново-

¹⁴ «ИСС П. И. Мельникова», т. 12, стр. 135—138.

¹⁵ «ИСС П. И. Мельникова», т. 14, стр. 380.

¹⁶ «Сборник Нижегородской ученой архивной комиссии» (СНУАК), т. IX, ч. I, стр. 219.

¹⁷ СНУАК, т. IX, ч. II, стр. 3.

¹⁸ Там же, стр. 4.

¹⁹ Там же, стр. 255.

²⁰ Там же, стр. 34—35.

му относится к расколу. Это видно из его «Записки о русском расколе», составленной в 1857 г. по поручению министра внутренних дел Ланского. В ней уже нет призывов к насильственному искоренению раскольников, выделяются и защищаются старообрядцы, которых автор противопоставляет всем другим, по его мнению антигосударственным, формам церковных ересей.

Автор «Записки» выступает против постоянных гонений на старообрядцев, подчеркивая их тщетность в течение 200 лет, высказывается за осуществление мероприятий, которые должны «успокоить умы огромного числа подданных империи»²¹.

Изменению взгляда на раскол способствовало не только изучение реальных черт раскольниковского движения в XIX в., но и поведение раскольников в момент революционной ситуации 1859—1861 гг. Размах крестьянского движения в те годы показал, что религиозный раскол не имел уже сколько-нибудь серьезного значения в классовой борьбе и в оформлении революционных требований крестьян. В этих условиях, постепенно устраняя церковный раскол, господствующему классу страны выгодно было использовать его религиозное содержание в такой же мере как и официальное православие — в качестве опиума для народа.

В «Письмах о расколе» Мельникова, появившихся в 1862 г., после окончания революционной ситуации в стране, наиболее полно отразилось изменение взглядов на раскол самого автора. Здесь он не только отрицает политическое будущее раскола, но и показывает его основное, реакционно-политическое содержание в качестве одного из средств борьбы помещичьего класса против революционного движения народных масс.

П. И. Мельников перестает рассматривать общины раскольников как «государство в государстве». В ряде случаев он выступает с критикой не только раскола, но и пороков православного духовенства, поскольку им ставится задача не просто искоренения раскола, а ликвидации его в процессе слияния с православием. Он стремится при этом сохранить лучшие традиции старообрядчества и начинает видеть в обновленных старообрядцах основу будущего развития самодержавной России.

Краткий обзор историко-краеведческих трудов Мельникова-Печерского приводит нас к выводу, что следует иметь в виду весьма умеренный характер либерализма Мельникова как историка. В то же время богатый исторический материал помог ему как художнику глубоко проанализировать в сущность отображаемых им социальных явлений.

²¹ «Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым», вып. I, Лондон, 1860, стр. 198.

